Воспоминания

Ксения Шерварлы

«Пишите мне почаще» — часто писал Карен Ашотович — *«Я очень рад Вашим письмам»...*

Я тогда только закончила 10 класс и не могла поверить своему счастью: ученый, исследователь, взрослый мудрый человек читает мои рассуждения и мысли и с таким вниманием, с таким уважением отвечает на них своими!

В 2014 году я в первый раз приняла участие в «Достоевских чтениях» в г. Старая Русса, а летом того же года в первый раз получила письмо от Карена Ашотовича, ему понравился мой доклад, и он хотел напечатать его в альманахе. Сначала мы обсуждали только вопросы оформления текста и говорили о каких-то организационных моментах, но когда на следующий год Карен Ашотович не приехал на взрослые чтения — это неожиданно стало поводом для продолжения нашего письменного общения.

«Буду рад и дальше помогать Вам советами, если будет у Вас в том потребность». И потребность, конечно же, была. И не только в советах по анализу Достоевского. Карен Ашотович вдруг открылся для меня не только как ученый, но и как очень добрый и мягкий человек, как настоящий христианин с глубокой и осмысленной верой. Он всегда очень искренне и тепло отвечал на мои вопросы, интересовался, в свою очередь, моими делами и скромно прибавлял в конце письма: *«Всегда готов быть Вам полезен, чем смогу»*.

Он так же просто, легко и искренне делился со мной своими мыслями и планами на будущее: «*Высказывали возражения по ряду моих тезисов, но это и хорошо, будет над чем подумать. Ведь это — первый шаг к задуманной мною творческой биографии Достоевского: я предполагаю писать по статье о каждом произведении Достоевского, начиная вот с этого перевода "Евгении Гранде"<...> до "Братьев Карамазовых". Это, конечно, работа на несколько (в лучшем случае) лет». «Конечно, и здесь, в такой работе, очень много придется угадывать и есть риск додумывать несуществующее. Но тут уж на волю Господа: если я буду делать все от*

меня зависящее и правильно, Он поможет в остальном, если нет — ну тогда эту работу сделает кто-то другой, но ее непременно надо сделать, мне кажется».

Карен Ашотович никогда не писал категорично, даже если хотел донести конкретную четкую мысль, делал это очень мягко и осторожно. Всегда спрашивал о моем мнении и делал это, не просто следуя правилам приличия, нет! Я чувствовала, что ему действительно будет интересно прочитать мои ещё не сформировавшиеся мысли и выводы.

Он писал очень скромно, очень просто, никогда не приписывал себе каких-то знаний или достижений. *«А потом — если сил и здоровья хватит, если будет воля Божья на то - возьмусь за духовную биографию Достоевского. Чувствую в этом необходимость, ибо до сих пор все, писавшие биографию Достоевского, были достаточно далеки от него по личностному складу (за исключением Селезнева, возможно), не проходили тот чудовищный путь искушений, внутренней борьбы, отчаяния и преодоления, который проходил он. Не хочу, конечно, говорить, что я через все это проходил, но мне кажется, я представляю себе, в каком ключе об этом надо писать. Конечно, я ужасно многого не знаю для такой работы, но буду писать по мере сил».*

Карен Ашотович в этих письмах не просто отвечал на мои вопросы, он рассказывал обо всём, он хотел, чтобы мы читали, правильно анализировали, думали. *«Мне бы хотелось, чтоб у Вас были хотя бы некоторые мои книги. Напишите, есть ли уже какие-то у Вас, и я постараюсь другие прислать».* Он в каждой переписке приглашал нас на разные мероприятия, лекции, чтения, презентации книг.

Мы разговаривали не только о литературе, мы могли говорить о догматике, о православии, Карен Ашотович делился и своей историей: *«Я вот, например, в Вашем возрасте только начинал задумываться о Боге, потом собрался создать некую универсальную религию, объединив все существующие, потом хотел усовершенствовать христианство, а к истине мой путь начался много позже, крестился и вовсе когда мне было тридцать два года».*

Карен Ашотович возвращался к идее написания духовной биографии Достоевского не один раз, он писал: *Достоевский «проходил жесточайший и страшнейший духовный путь к истинной вере и к истинному "реализму в высшем смысле", чего достиг, возможно, только при написании "Карамазовых". Но в этом меня убедила собственная жизнь, когда я понял, сколь долог и суров путь к истинной вере и сколько соблазнов тут надо победить. Как-нибудь расскажу Вам вкратце об этом моем пути.*

Я потому и решил писать творческую, а затем, если сил и годов жизни хватит, и духовную биографию Достоевского, что почувствовал некую единонаправленность нашего с ним духовного пути (не в масштабах, конечно, но в единстве вектора)», «что касается духовной биографии — это, предполагается, будет путь души Достоевского от ранних лет до земного конца. Очень страшно даже помыслить такую работу. И потому, что так много надо учесть, и потому,главное, что здесь, Вы правы, очень легко соскользнуть на субъективные додумки. Но мне представляется, что в судьбе моей много совпадающего с судьбой Достоевского, что поможет понять его в тех или иных ситуациях. Когда в юности я только начинал заниматься Достоевским, однажды увидел сон: я лежу на своей кровати, а на соседней, где обычно спал отец, сидит Достоевский в каком-то френче, похожем на тот, что на известной картине Перова, оперся рукой на колено и смотрит на меня, и молчит».

Карен Ашотович написал в одном письме: *«главная доминанта жизни и творчества Достоевского — любовь к людям»*. Я точно чувствовала это, общаясь с самим Кареном Ашотовичем. У него была насыщенная, трудная жизнь, много работы, много дел. Но он всегда находил время, чтобы ответить на письма, он делился своей жизнью, своим опытом, своей мудростью так открыто и искренне, как будто мы были знакомы всю жизнь!

Мне всегда очень хотелось, чтобы люди не просто помнили о человеке после его смерти, а чтобы они вдруг поняли и ощутили, как он мыслил, как он думал, чем жил. Поэтому мне хочется рассказать о каждом письме Карена Ашотовича, которое он мне написал. Каждая строчка, каждая фраза кажется мне значительной и очень важной. Я хочу, чтобы мы могли знать и помнить Карена Ашотовича таким, каким он был на самом деле, каким было его доброе сердце.

Мария Шерварлы

Кем являлся Карен Ашотович Степанян для юных участников Международных Старорусских чтений? Одним из немногих, кто возвращался сразу после обеденного перерыва слушать нас на юношеской секции. И действительно очень внимательно слушал, задавал вопросы, советовал, реагировал, мог подойти в перерыве со словами одобрения.

Кем стал Карен Ашотович для меня лично? Близким человеком. Наша переписка, внезапно начавшаяся в мае 2015 года, не осталась

на уровне отстраненно-вежливых комплиментов и обмена докладами, а стала чем-то вроде взаимного приобретения. В то лето мы о многом говорили в письмах друг другу: о Достоевском, о его философии, о религиозном прочтении его текстов, о вере, о православии, о молодежи и интеллигенции в Церкви, о жизни и детстве, о творческих планах и новых идеях. Карен Ашотович очень тепло и искренне делился опытом, историей своей жизни и своего мировоззрения. Осенью мы собрали группу молодежи, интересующейся Достоевским, и провели несколько встреч. Хотелось, чтобы это стало регулярным мероприятием, но, к сожалению, не получилось: трудно было согласовывать графики всех участников, находить удобное для всех время и место. В следующие два года мы периодически списывались, иногда он приглашал меня на презентацию своих книг. Этим летом, первого июня, мы с ним встретились в последний раз на одной из таких презентаций в ПСТГУ, оттуда я унесла новую книгу о «Братьях Карамазовых» с теплой надписью от автора.

А в сентябре у меня были вступительные в аспирантуру. На восемнадцатое число назначили философию, самое тяжкое испытание. Я думала: скорей бы уже сдать — и вернусь к застывшим с начала лета планам, напишу Карену Ашотовичу, давно хотелось это сделать, мне наконец есть о чем писать. Даже если не поступлю — поделюсь впечатлениями, посетую на обширность программы, спрошу о его делах. Но накануне самого экзамена пришла новость: Карен Ашотович умер. Так в этом напряженном дне, перенасыщенном информацией, учебниками, философами, идеями и терминами, вдруг образовались несколько часов пустоты и горького удивления; так я и не послала ему письмо; так я не попала даже на панихиду, потому что ровно в это время сидела за партой с билетом.

Когда-то он сам написал мне — и началось наше общение; он сам предложил собрать группу для обсуждения; он был готов поддержать любую инициативу, связанную с Достоевским; он звал меня на встречи, презентации и конференции; он шел навстречу, при всей его загруженности, активной деятельности, он всегда был удивительно мягок и осторожен, не любил категоричных высказываний, с интересом выслушивал каждого, ценил любой, пусть неопытный, пусть непрофессиональный взгляд, во всем мог найти пищу для размышлений, и в этом была его истинная ученость и истинная интеллигентность.

Он говорил: «Пишите, я всегда рад». И я хотела — но не знала, как и о чем писать, потому что интересы наши понемногу расходились.

На филфаке в МГУ я увлеклась лингвистикой, а с академическим литературоведением, напротив, не очень сложилось, изучение творчества Достоевского постепенно отошло на второй план: каждую весну находилось что-то, мешающее подготовить новое выступление к Чтениям. Я все надеялась как-нибудь вернуться к той наполненности наших первых писем. Каждое из них — ценнейший подарок мне. Но теперь я чувствую себя тем самым рабом, который хотел сохранить золото, зарыв его, а нужно было действовать и приумножать, не боясь разменивать.

Карен Ашотович был для меня в первую очередь даже не столько достоевистом, сколько настоящим, искренним христианином. Он и в обычном разговоре никогда не стеснялся сказать о вере, упомянуть, что в любом деле, как бы оно ни сложилось, самое главное — Божья воля; и в научных трудах своих, в докладах, статьях и книгах всегда строил свои рассуждения в контексте христианства, с «презумпцией Евангелия», оно становилось ключом для декодирования смыслов Достоевского, не итогом, к которому более или менее явно приходит писатель, а универсальным интертекстом. Поэтому не хочется говорить о Карене Ашотовиче в прошедшем времени, в формах «никогда больше...». А хочется верить, что он теперь еще больше знает о Достоевском, теперь еще ближе к нему — и к Тому, Кого они оба так горячо любили на земле.

В.В. Борисова

О Карене Ашотовиче...

На рабочем столе моего компьютера есть папка «***Для Карена***». Она годами пополнялась материалами для него и от него. И вот пришло время сказать последнее слово ***о Карене***, о нашем национальном представителе в Международном обществе Достоевского, вице-президенте российского Общества Достоевского, главном редакторе журнала «Достоевский и мировая культура», большом ученом, замечательном литературоведе, просветителе, великом труженике. 23 сентября 2015 г. он писал мне: «Сплю по 4-5 часов в сутки. И время до конца года полностью расписано...».

Общение с ним на протяжении более чем 30 лет было разнообразным: деловым, дружеским, порой пронзительным – по искренности, взаимному доверию и благодарности. В памяти остались его благородные жесты... В конце 80-х-начале 90-х годов я приезжала

в Старую Руссу из далекого Павлодара, трагически ощущая, как и Рита Клейман, которая жила в Кишиневе, отрыв от России. Карен Ашотович, понимая наше состояние, подарил тогда книгу со словами: «Несмотря ни на что, считаем Вас своей»...

Вспоминается, как писала в 2007 году отзыв на автореферат его докторской диссертации, восхищаясь выведенной им формулой творческого метода Достоевского: «“Реализм в высшем смысле” – это художественное воссоздание мира, которое дает возможность увидеть метафизическую и эмпирическую реальности в их подлинном бытии и взаимопроникновении».

В каждой работе К. Степаняна, в каждом его докладе звучали и новая мысль, и новое слово, отмеченные печатью особого отношения к любимому писателю: «Когда пишешь о Достоевском, думаешь только о том, чтобы с Божьей помощью помочь читателю увидеть хотя бы десятую часть того духовного богатства, которое есть в его произведениях».

Не хочется и не нужно говорить о Карене Ашотовиче в прошедшем время. Его «душа» – «в заветной лире», его книги – с нами. Они стоят на полке, листая их, понимаешь, как много он сделал для нашей науки.

Вот одна из главных книг – «Сознать и сказать»: «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф. М. Достоевского (2005 г.). Здесь К. Степанян вводит в литературоведческий обиход знаменитое выражение писателя как полноценный термин, доказывая, что в его произведениях реальность раскрывается во всей своей метафизической глубине.

В другой книге Карен Ашотович, смело дополняя концепцию М.М. Бахтина, новаторски представляет явление Христа и диалог героев об этой благой вести как два структурообразующих момента великих романов Достоевского («Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского», 2010 г.).

Теоретической глубиной и масштабностью историко-литературных выводов отличается и большой труд К. Степаняна «Достоевский и Сервантес. Диалог в большом времени» (2013), в котором показывается, как произведения двух великих писателей, продолжая жить в «большом времени», взаимообогащаются «новыми значениями, новыми смыслами»: «Благодаря роману “Идиот”, мы можем осознать весь трагизм романа Сервантеса».

Последняя книга Карена Ашотовича «Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени» (2016 г.) сохраняет преемственную связь с пафосом предыдущих работ. Феномен трагического в произведениях писателей-классиков осмысляется

в широчайшем контексте русской и мировой литературы. Поражает массив привлеченного материала, который включает все творческое наследие английского драматурга и русского романиста. В книге рассмотрены практически все художественные переклички обоих авторов, выявлены многочисленные реминисценции из шекспировских текстов в «пятикнижии» Достоевского.

Не менее значимы просветительские работы К. Степаняна, востребованные российскими преподавателями и учителями: «Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (2014) и «Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (2018).

В 2002 году Карен Ашотович подарил в Старой Руссе моей старшей внучке подготовленный им сборник «Ф.М. Достоевский – детям», в котором поражают мудрая, вступительная статья и проникающие в детское восприятие примечания к текстам из произведений писателя.

Карен Степанян не ушел, он остался в своем «большом времени», продолжая думать о будущем. Вот запись из его дневника: «Неужели и грандиозная дата – 200-летие со дня рождения Достоевского (2021 год) – будет заболтана и растаскана по частям в борьбе самолюбий и ведомств, потонет в равнодушии, вместо того чтобы стать грандиозным общенациональным праздником торжества его идей, его видения предназначения России, его понимания целей и задач подлинного искусства, его уникального «реализма в высшем смысле?» (Фрагменты из дневника // Нева. 2017, № 6).

Последние слова Карена Степаняна, оставленные в «Дневнике» (так он называл свои фрагментарные записи, видимо, в подражание «Дневнику писателя»), потрясают: «Порой вся жизнь уходит не то, чтобы постичь истину одного стиха Евангелия: "Ибо иго Мое благо, и время мое легко" (Мф. 11:30)».

Елена Степанян-Румянцева

О Карене-Александре

Я знаю Карена Степаняна необыкновенно давно. Целую жизнь, как принято говорить в подобных случаях; и эта жизнь, это почти пожизненное знакомство состоит из этапов столь различных, что поражаешься – как их вместила одна и та же биография.

Чудом является та перемена, кардинальная, огромная, которая случилась с ним, причем не в зрелые, а в молодые годы, когда

человеку еще положено быть опрометчивым, ошибаться и, так сказать, жизнерадостно грешить.

Жизнерадостность, правда, никогда не была его качеством. В юности он был человеком несомненно больших способностей, не меньшей трудоспособности, высокого мнения о себе, получившим непривычное, а то и просто удивительное для меня, московской девушки, восточное воспитание. Ко всему необходимо добавить и всегдашнюю тяжелую рефлексию, его спутницу и мучительницу. И когда вам хотелось рассеять этот мрак и вы пытались это сделать (подозреваю, что неуместно, неумело) – он со страдальческой какой-то улыбкой неизменно говорил: ничего, я справлюсь. В общем же и целом это был характер столь специфический, столь на свой лад завершенный, что, казалось, Карен таким и останется навсегда. Вечным трагическим юношей, “сыном века” с неизбывной мировой скорбью в сердце. И только.

Бог судил иначе. Над его головой грянуло бедствие, неисчерпаемое, не расхлебываемое личное горе, переломившее его жизнь пополам. С тех пор слова, сказанные преп. Амвросием о Достоевском (”это кающийся”) с полным правом можно было приложить к самому Карену. Он был не просто исследователь, а, если угодно, герой Достоевского, сполна вкусивший страдание и, главное, желавший это страдание нести и нести, не расставаться со своим бременем. Но благодаря (о, как страшно произносить это “благодаря”!) тому, что произошло, он стал тем, чем стал: неординарным человеком, выдающимся исследователем. Его человеческая значительность словно выступила из тени, освободилась от всего примесного и случайного. Он, державшийся на расстоянии от всех, неизменно соблюдавший в отношениях дистанцию, был всем нужен, все к нему обращались с просьбой, за помощью, – и я, грешная, тоже.

...Добавлю вот что. Он, безжалостно судивший сам себя, ту же бескомпромиссность привносил в предмет своего исследования. Эстетическое совершенство классики – творений Шекспира, Сервантеса – не было для него индульгенцией. Он и их судил с позиций абсолютной моральной требовательности.

И еще – к вопросу не о неопределенной тоске, которая его преследовала смолоду, а о добровольном мученичестве, которое он сознательно возложил на себя. Вскоре после своего несчастия, о котором я упомянула выше, он принял православное крещение. В сельском храме, где это происходило, оказалась старушка, потерявшая когда-то сына: во время оккупации немцы расстреляли его. Он был Александр. И

Карен стал Александром, а она – его восприемницей. Не было ли и это обстоятельство знаком, мученической печатью?

...Мы очень давно были порознь, многие люди за это время стали и были мне ближе, чем он. Но что-то оставалось, какая-то нить теплоты. Одна знакомая рассказала: вы беседовали (дело было на конференции), ты повернулась и вышла, а он перекрестил тебя вслед. Так чего же сейчас так не хватает? Вот этого крестного знамения вслед, в спину?

Я многих потеряла за последние годы, в том числе людей более родных, чем Карен-Александр. Но почему именно после его смерти стало так ощутимо пусто? И хочется отклика. И так хочется знать: как ты? Ведь нам обещано, что Господь отрет всякую слезу с очей приходящих к Нему.

Верю, что и твою слезу, дорогой.

Людмила Сараскина

Памяти друга

Очень трудно писать о Карене, который ушел так рано, так не вовремя. Он был мне другом с незапамятных времен, так давно, что кажется – всегда. Я храню его письма – только в моем последнем компьютере их с полсотни, если не больше, и деловых, и отвлеченных от дел.

Я многое могла бы рассказать о нем как о человеке, но здесь уместнее говорить о его идеях и поисках; чтобы получился портрет ученого и деятеля.

Не могу, однако, быть объективной – буду пристрастна.

Больше всего меня поражало в Карене как в ученом, погруженном и в творчество Достоевского, и вообще в литературу мирового класса, так это то, что нам, при большой разнице подходов, удалось за много лет ни разу не поссориться и не прервать дружеских отношений (что бывает сплошь и рядом). Я видела, как он огорчается, что мы не совпадаем в оценках и трактовках, но был терпелив, не старался меня переубедить, и мало того, что терпел мое т. н. вольтерьянство и мои вольные мысли, но всегда предоставлял мне возможность для их высказывания на страницах наших альманахов. Он был рецензентом нескольких моих монографий, посвященных Достоевскому, и это всегда было доброжелательное, внимательное, профессиональное рецензирование. Мне тоже пришлось несколько раз публично выступать по поводу его работ, в частности, с связи с защитой его докторской в Литературном институте, и доказывать, что его

диссертация, как бы она ни противоречила новому мейнстриму, имеет право на свой взгляд и ракурс.

Мне много раз приходилось слышать в свой адрес высказывания типа: «Это точка зрения из атеистического мира», или «Это неправильное христианство», или «Это чуждо православию» и т. п. Ну, ладно я, но Карен! Он был истово предан канону, как он его понимал, но ему тоже то и дело указывали на искажения и отклонения, будто в нашем деле есть какие-то твердые правила и незыблемые нормы, какие-то решетки и каркасы. Ведь как долго наука о Достоевском была заперта установками, идеологемами, «правильными» методологиями – еле жива осталась. А Ф.М. писал при конце жизни: «Уверуй свободно – вот наша формула. Не сошел Господь со креста, чтобы насильно уверить внешним чудом, а хотел именно свободы совести».

Хочу напомнить, что сказал Василий Розанов, когда на Религиозно-философских собраниях в Петербурге в 1901 году раздраженные и подозрительные собеседники его спросили, верует ли он вообще. Он ответил: «Да, я православный верующий, но с большими сомнениями и недоумениями». Это умонастроение меня греет и дает ощущения воздуха – в той атмосфере кислородного голодания, когда сомнения называют болезнью, хуже сифилиса.

Разумеется, центральный пункт нашей с Кареном полемики – и публичной, и приватной – был пункт об осанне. Как понимать эту фразу из последней Записной книжки: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла, как говорит у меня же, в том же романе, черт». Для Карена ключевое слово здесь было ОСАННА, и то, что она *прошла*, то есть окончательно победила и навеки утвердилась. Для меня здесь самое важное – горнило сомнений, не только потому, что про осанну говорит в «Братьях Карамазовых» черт, и Достоевский его цитирует, снижая пафос высказывания, а потому что романов Достоевского и его самого не существует без горнила сомнений, без неизбежного pro & contra – всегда и до крышки гробовой.

Творчество Достоевского, как и его жизнь, чужды триумфализму и победных маршей. Напротив: всё у него дышит катастрофой, которая и разрушит спустя полвека после его ухода Россию, надругается над верой и над осанной. И это уже не текстология, не трактовка фразы, а исторический факт.

Но то, как трогательно и самоотверженно Карен отстаивал феномен осанны, как боролся за нее, словно это был последний редут, вызывало

у меня высокое уважение – он отстаивал и свою веру, и веру в своего Достоевского, который веровал так, как бы того желал для себя Карен. «Я осанну эту никому не отдам, извини», – слышался мне его невысказанный упрек. Я принимала этот упрек – ведь православие Карена не было агрессивной инструкцией, это было очень личное чувство, почти страсть.

Скажу только еще об одном пункте наших разногласий (впрочем, далеко не только с Кареном): проблема раскаяния Родиона Раскольникова, которого, по моему разумению, так и не случилось. Я об этом много писала, выступала на конференциях, не буду повторять свои аргументы. Спор об этом выходит далеко за рамки романа – потому что путь Раскольниковых после Достоевского прошел не через раскаяние и осанну, а через массовый террор. На симпозиуме в Гранаде я приводила примеры Брейвика и Виноградова, который считал себя русским Брейвиком и опубликовал в социальной сети «ВКонтакте» текст, названый им «Мой манифест». «Я ненавижу человеческое общество и мне противно быть его частью! Я ненавижу бессмысленность человеческой жизни! Я ненавижу саму эту жизнь!»

За сутки на страницу Виноградова подписались более 1300 человек, а текст о ненависти к человечеству получил почти пять тысяч «лайков».

Схема крови по убеждению всегда одна и та же: сначала «теория» – манифест или декларация, потом акт, потом самооправдания и самореклама.

Достоевский много раз повторял: хочешь переделать мир – начни с себя. Кажется, самое время переиначить формулу: хочешь уничтожить ненавистный мир – смело начинай с себя. Признай, что ты подлое насекомое, заяви своеволие и освободи мир от своего присутствия – как это сделали Свидригайлов, Кириллов и Ставрогин.

Керченский стрелок, чьими жертвами стали 20 убитых и 50 раненых, действовал по той же схеме: в качестве манифеста он написал на белой футболке жирными черными буквами одно только слово: «Ненависть». Это было послание миру, и он – один из немногих – пошел дальше: заявил своеволие и истребил себя. Карена уже не было в живых, когда случился керченский кошмар: а то бы, можно надеяться, мы бы вместе обсудили происшедшее, а также поразились бы той волне сочувствия к убийце, которая расползлась по социальным сетям. Нравственное чувство Карена несомненно подсказало бы ему, как связан керченский эпизод с широким контекстом «Преступления и наказания». Убийца-2018 резко помолодел, как вообще в мире молодеет ненависть.

И еще мы бы обязательно вспомнили о пресловутом *зато*: пусть, дескать, Раскольников старушку и ее сестру убил, *зато* к Богу пришел. Это *зато* – лукаво и коварно, ведь Бог – вовсе не жертвенный алтарь.

...В общем, несмотря на споры и разногласия, Карен дорожил нашим сотрудничеством. Он пригласил меня в редколлегию и в первый номер Филологического журнала, который он создал на базе ИМЛИ, потратив на это много сил, нервов и времени. Характерно, что, приглашая авторов к участию, он не ограничился формальной рассылкой, а обратился лично. Для меня это было принципиально важно – я вообще не реагирую на веерные рассылки. Мы подробно обсудили с ним, что́ я могу предложить для журнала, он принял, высказал одобрение. И только попросил меня добавить в конце статьи несколько слов о принципиальном различии финалов британского киношного «Двойника» и «Двойника» повести. Я с радостью добавила еще полстраницы. Карен регулярно сообщал мне (наверное, и всем остальным авторам) о прохождении журнала в печать, потом о его выходе.

Как редактор он был безупречен.

Мы встретились с ним 18 июля – я подарила ему свою книгу об экранизации классики, он мне – журнал и свою новую работу «Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». «Дорогой Люде с любовью» – стояло на авантитуле. Он был грустен, но мы очень хорошо поговорили, и, казалось, ничего не предвещало...

Это была наша последняя встреча. Его уход – как удар. Я всегда полагала, что со мной *такое* случится раньше, и это *он* обо мне, а не *я* о нем, скажет, когда придет время, слово прощания...

Протоиерей Георгий Ореханов

Впервые о Карене Ашотовиче Степаняне я узнал из статьи в ныне несуществующем журнале «Нескучный сад». Если не ошибаюсь, речь в публикации шла о знаменитом эпизоде из воспоминаний вдовы Достоевского, где рассказывается о посещении писателем музея в Базеле и пристальном рассматривании картины «Христос в гробу» Ганса Гольбейна. Карен Ашотович очень увлекательно описал эксперимент, осуществленный группой российских исследователей, которые решили повторить действия Достоевского в музее. Это было очень интересно, и мне сразу захотелось познакомиться со Степаняном. Удалось это сделать в Ясной Поляне, куда Карен Ашотович приехал на очередную ежегодную конференцию нашего Университета. Как-то

сразу этот человек стал мне очень близок, но в близкую дружбу это не переходило до 2015 года, когда на очередной встрече в Ясной Поляне Карен Ашотович рассказал о своей мечте создать центр творчества Достоевского. И мы два года вместе об этом мечтали, пока очень неожиданно в прошлом (2017) году вдруг у нас не появились для этого необходимые средства. Так возник Центр истории русской духовной культуры ПСТГУ, а в нем – сектор творчества Ф.М. Достоевского с Кареном Ашотовичем во главе.

Последние три года жизни Карена Ашотовича мы общались уже много. Он приглашал меня на презентации своих книг, мы приглашали его для чтение лекций в нашем университете. Появилась возможность что-то обсудить. Карен Ашотович был влюблен в Достоевского, меня эта влюбленность иногда приводила в смущение, потому что я боялся, что она будет мешать Степаняну – исследователю, будет делать его выводы уязвимыми для критики, необъективными. Поэтому мы много спорили. Но в Карене Ашотовиче подкупала бескомпромиссная любовь – к Достоевскому, к России, к русской культуре, к молодому поколению.

Об этом нужно сказать особо. Степанян умел выступать перед школьниками, потому что очень любил молодость. У него была большая открытость к молодым людям, доверие к ним, очень большое уважение. Несколько раз я был свидетелем того, как он категорически отказывался признавать современную молодежь бесталанной, бесцветной, необразованной. Известно, что Карен Ашотович был автором двух замечательных путеводителей по романам Ф.М. Достоевского – «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Эти книги написаны на довольно высоком уровне, без попыток избежать сложных вопросов. И однажды он рассказал, что когда одна из книг готовилась в печать, в редакции попросили упростить текст, так как читатели путеводителя ничего не поймут, они неграмотные, для них нужно писать просто. Карен Ашотович очень возражал, он говорил: «Что вы, нет, это неправда, у нас прекрасная молодежь, ищущая, грамотная, интересующаяся, они очень талантливы и вдумчивы! А какой-то процент равнодушных ко всему есть всегда и везде». И звучало это убедительно. Однажды он поразил нас с супругой утверждением, что рэп – это тоже настоящая поэзия.

Последний год его жизни мы уже сотрудничали очень тесно, Карен Ашотович стал руководителем большого гранта, по пятницам регулярно бывал на заседаниях нашего Центра. Никому из нас не могло

даже в голову прийти, что он неизлечимо болен. Сейчас я понимаю, что если бы мы были внимательнее к нему, то смогли бы уловить признаки этой болезни.

Карен Ашотович был замечательным христианином, настоящим христианином – кротким, смиренным, хотя я чувствовал, что жизнь его прошла нелегко и эта кротость является не врожденным свойством характера, а результатом большой работы над своей душой. Поэтому я могу сказать, что очень счастлив, что знал этого человека и мог работать вместе с ним. Вечная память ему!

Александр Галкин

Рыцарь печального образа Достоевского

Скорбное известие о смерти Карена Ашотовича Степаняна поразило меня своей катастрофической неожиданностью. Я подумал, что в повседневной будничной суете мы перестаем чувствовать таинственный трагизм жизни, которая для каждого из нас может оборваться в любое мгновенье. И еще я подумал: вот и мое поколение начинает неуклонно и неизменно уходить.

Я не был особенно близок с Карен Ашотовичем, не состоял с ним в дружеских отношениях. Мы встречались с ним раз в два года или несколько раз в год, преимущественно на конференциях по творчеству Достоевского в Петербурге и в Старой Руссе. На протяжении тридцати лет мы виделись с ним, скорее всего, не больше двух десятков раз. Но в жизни всякого человека появляются люди, которые, сами не зная того, играют судьбоносную роль. Вспоминая о них, ты внезапно понимаешь, что они, точно верстовые столбы на дороге твоей жизни, указывают вехи и развилки пути и что их образ символически связан с необыкновенно значимыми жизненными событиями. Таким человеком и был для меня Карен Ашотович Степанян.

Я познакомился с ним, наверно, в 1989 или 1990 году. Тогда я, заочный аспирант МГПИ имени В. И. Ленина, готовил диссертацию по Достоевскому, и для защиты мне нужны были публикации. Я принес статью о Достоевском в журнал «Знамя», где Карен Ашотович заведовал отделом критики.

Большой надежды на публикацию я не питал, поскольку уже успел пообщаться с другими сотрудниками редакций популярных журналов и приятных впечатлений от этого общения не испытал. В журнале «Наш современник», например, куда я пришел забрать

свою неопубликованную статью, мне пришлось ждать, пока угрюмый бородатый дядька с невнятным бормотанием долго рылся в шкафу среди множества пыльных папок, пока не откопал мой опус, после чего вручил мне печатный бланк с текстом: «Мое произведение не соответствует высокому художественному уровню нашего журнала». Таким образом, меня вынудили расписаться в собственной бездарности. В противном случае редакция отказывалась выдать мою рукопись. Не скрою, нечто подобное я ожидал и от журнала «Знамя».

Предварительно я позвонил в редакцию и впервые услышал спокойный, с симпатичной легкой картавостью, тихий голос Карена Ашотовича. Он не дал мне внятного ответа, будет ли моя статья напечатана, но просил зайти, чтобы подробней поговорить. По голосу я вообразил усталого человека преклонных лет, седого или лысого, отягощенного многими литературными регалиями. Зачем он приглашал меня на разговор, если не собирался ничего публиковать, мне было непонятно.

В действительности, я увидел энергичного жгучего брюнета со сросшимися на переносице широкими черными бровями. Его внешний облик вовсе не соответствовал мягкому вкрадчивому выговору по телефону. Он посадил меня в кресло и сразу заговорил об известных всем достоевсковедам знаменитых словах Достоевского: *«...если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, то мне лучше бы хотелось оставаться с Христом, нежели с истиной»*. Мы живо обсудили возможные варианты смыслов кредо Достоевского. И для меня было удивительно, что этого странного симпатичного человека по-настоящему волнуют, казалось бы, абстрактные литературно-философские парадоксы. Для него, как и для меня, слова Достоевского были не просто набором авторитетных клише, а трепетной, сию минуту рождающейся мыслью. Другими словами, Достоевский был для него живым собеседником, умным и близким другом, с которым он, к сожалению, лично не встретился только по воле случая.

В конце нашего разговора Карен Ашотович сказал: «Я человек практический!» – и дал мне контакты редакторов тех журналов, которые могли бы напечатать мою статью. Помню, тогда я засомневался: «практический?» Едва ли! Скорее, *теоретический*. Однако в его словах была правда: он очень много *практического* сделал для изучения творчества Достоевского. Без преувеличения можно сказать, что его усилиями современная отечественная

достоевистика двинулась вперед. Впрочем, в то время я об этом еще не подозревал.

После первой личной встречи судьба несколько раз сводила нас заочно. Научный руководитель моей диссертации Михаил Трофимович Пинаев однажды ни с того ни с сего рассказал мне, что в институте не так уж давно защищал диссертацию о связях Достоевского и Фолкнера незнакомый ему Карен Степанян. Пинаев был у него то ли научным консультантом, то ли рецензентом (за давностью лет не помню точно). После того как защита благополучно прошла, Карен принес ему бутылку настоящего армянского коньяка.

Из этого случайного разговора меня поразили две вещи. Первая: Достоевский и Фолкнер. Какой надо обладать культурной эрудицией и интеллектуальной смелостью, чтобы решиться столкнуть таких колоссальных гигантов в собственном научном исследовании! Карен Ашотович опять удивил меня не только широкой образованностью, но и пристрастием к анализу самых сложных форм художественного творчества.

Вторая изумившая меня вещь: армянский коньяк. Внезапно я отчетливо представил, как легко Карен Ашотович вписывается в образ тамады за богатым, гостеприимным столом, полном яств и напитков, ведь веселое застолье – древняя армянская традиция.

Первая моя серьезная публикация вышла опять-таки благодаря Карену Ашотовичу, в его альманахе «Достоевский и мировая культура» (№ 3, М., 1994). Я был свидетелем начала этого героического многолетнего проекта, идея и воплощение которого фактически принадлежала исключительно одному Карену Ашотовичу. Статью о лейтмотивах у Достоевского в этом памятном альманахе прочитал академик Георгий Михайлович Фридлендер. В тот момент он отдыхал в санатории «Узкое» и позвонил мне первым (академик – безвестному молодому человеку!) с предложением встретиться и поговорить. Так началась моя короткая (до его кончины), но очень важная для меня дружба с академиком Фридлендером.

Получается, что именно с легкой руки Карена Ашотовича я познакомился с двумя очень значимыми в моей жизни людьми: Георгием Михайловичем Фридлендером и Галиной Владимировной Коган, в прошлом заведующей музеем-квартирой Достоевского в Москве. Оба этих выдающихся достоевсковеда повлияли и на мою судьбу, и на мое восприятие творчества Достоевского. Но, главное, они, если перефразировать знаменитые слова К. С. Станиславского, любили

не себя в Достоевском, а Достоевского в себе[1]. К этим подвижникам я бы также причислил и Карена Ашотовича Степаняна.

Вообще, меня всегда интересовал этот человек. И всё, что я слышал о нем или от него, всякий раз вносило в его сложный образ дополнительные, неожиданные черты. К примеру, он как-то рассказал, что занимался каратэ, и вдруг добавил, что не хочет пользоваться полученными навыками. «Однажды, – сказал он, – я был свидетелем пьяной драки в электричке и перешел в другой вагон». В этой реплике оставалось что-то недосказанное. Для себя я истолковал ее так: когда бушуют всплески энергии, порожденные грубой животной силой, даже в гуманных целях неразумно вмешиваться со своими боевыми навыками и вторгаться в поток жизни.

Вот и еще одна поразительная человеческая черта, обогатившая для меня образ Карена Степаняна. Трудно было предположить в столь рафинированном, мягком интеллигенте, который кажется неспособным муху обидеть, бойца. Уверен, что в экстраординарных обстоятельствах он сумел бы достойно защитить женщину или ребенка.

Одним словом, мне казалось, что Карен Ашотович, следуя в фарватере любимого им Достоевского, всегда останется верен благородному идеалу человека. Без всякой позы, тихо делая свое писательское и редакторское дело, он хранит высокое человеческое достоинство.

Отсутствие пафоса, личная скромность, неизменная доброжелательность к людям – вот каким на протяжении трех десятков лет мне виделся Карен Ашотович Степанян.

Помню, как во время какой-то экскурсии в Старой Руссе, в момент долгой паузы, все бездельничали и загорали на солнце, тогда как он читал очередные тексты для альманаха «Достоевский и мировая культура». Его подвижническую деятельность, связанную с биографией и творчеством Достоевского, нельзя было не уважать. Тогда мне пришел в голову образ Некрасова – редактора «Современника» и «Отечественных записок», полностью посвятивший себя своим журналам и сочинявшим стихи только во время летних вакаций. Некрасов к тому же обладал редакторским талантом находить литературные таланты и публиковать их. Карен Ашотович, бесспорно, обладал тем же талантом, что и Некрасов – в отношении творчества Достоевского.

Как-то раз я зашел к нему в редакцию по какому-то делу. На громадном письменном столе, сплошь заставленном стопками книг,

[1] Подлинные слова Станисловского звучат так: «любить не себя в искусстве, а искусство в себе».

выделялись зеленые тома Полного собрания сочинений Достоевского под редакцией академика Фридлендера. Все эти тома были пронизаны сотнями закладок. Карен Ашотович читал тогда подряд все письма Достоевского. Как результат этой гигантской работы был его доклад в Институте мировой литературы о письмах Достоевского. Особенно мне запомнился его рассказ о двух последних снах Достоевского, описанных в его поздних письмах. Два странных сна, один из которых был пророческий. Достоевский в докладе Карена Ашотовича вновь предстал живой личностью, близкой каждому из нас.

Первая моя публикация 1994 года как будто эхом отозвалась в последней моей публикации о Достоевском – в том же альманахе «Достоевский и мировая культура», но только уже в 25 номере (М., 2009). Круг замкнулся. Карен Ашотович опубликовал пролежавшую в архиве 83 года и ранее не публиковавшуюся статью С. Н. Дурылина 1926 г. «Пейзаж в произведениях Достоевского». Вот и опять мои научные изыскания последних лет и возрождение забытого имени крупного писателя Серебряного века Дурылина каким-то мистическим образом пересеклись с научно-издательской деятельностью Карена Ашотовича!

В последние годы Карен Ашотович увлекся Шекспиром и Сервантесом. В Петербурге, в музее-квартире Достоевского, он сделал доклад о шекспировском Гамлете, сравнив его деяния с убийствами Раскольникова. Я никак не мог согласиться с подобной трактовкой и в кулуарах конференции мы горячо поспорили. Я высказал сомнение в самой постановке вопроса: правомерно ли рассматривать шекспировский сюжет, описывающий бесплодные попытки Гамлета «вправить сустав века», нравственными глазами Достоевского – человека совсем другой эпохи. Карен Ашотович в ответ на мои возражения ответил, что ведь он много лет занимается Достоевским и сжился с его взглядом на мир и человека. Наш спор не закончился, и я пообещал ему прислать свои статьи по Шекспиру в продолжение этого спора. Карен прочитал их и ответил мне новыми аргументами, с которыми я вновь не согласился.

Последнее увлечение, которое мне довелось застать, – это «Дон-Кихот» Сервантеса. Карен Ашотович даже начал учить испанский, чтобы читать Сервантеса в подлиннике. Он писал книгу о Сервантесе и Достоевском (не знаю, успел ли закончить?). В докладе в ИМЛИ имени М. Горького он сравнивал трагические судьбы Сервантеса и Достоевского. Оба писателя стали узниками. Оба достигли признания и славы. Карен Ашотович нашел между этими художниками немало

точек соприкосновения – как в биографии, так и в мотивах творчества. Любимый писатель Достоевского стал любимым писателем Степаняна. И, думается, это закономерно. Достоевский всю жизнь был лоцманом научной и писательской судьбы Карена Ашотовича и его нравственным маяком.

Я бы назвал Карена Степаняна рыцарем печального образа Достоевского. (В самом Карене тоже было что-то от печального образа.) В этом определении соединились истовое пожизненное служение Достоевскому и последняя духовная страсть к Сервантесу. Написанной (но неопубликованной) статье о Галине Владимировне Коган для посвященного ей сборника Карен Ашотович дает заголовок «Она жила для людей – и для Достоевского». Это заглавие можно было бы с полным правом отнести и к Карену Степаняну.

В своем научном и художественном творчестве он сближал и сталкивал столпов мировой литературы: Фолкнера, Пушкина, Гоголя, Шекспира и Сервантеса – с Достоевским – главным и, пожалуй, единственным в своем роде авторитетом для Карена Ашотовича. Значит, знамя любви к Достоевскому Карен Степанян с достоинством пронес через всю свою жизнь. Вечная память Карену Ашотовичу (в крещении – Александру)!

Мария Осипова

Памяти Карена

«Он очень много работал», – Карен думал поставить эту фразу первой в духовной биографии Достоевского, написать которую собирался по завершении научных трудов. Не успел, оставил нас так неожиданно, что мы еще не поняли, что он ушел. Все кажется, что он здесь, среди нас, что ему еще можно позвонить, с ним еще можно встретиться, его еще можно о чем-то спросить или попросить. Теперь уже нельзя.

Мы были знакомы, без преувеличения, всю жизнь, потому что дружили наши мамы и детство было связано с домом творчества композиторов в Дилижане[2], куда нас вывозили на каникулы. Зима, горы, всегда много снегу... санки... Карен – мчится на большой скорости. ...проходит некоторое время, после очередного спуска с горы, Карен не поднимается, как обычно, с санками обратно и мама Карена

[2] Дом творчества композиторов – построенные в лесу, на горе, 13 коттеджей и пансионат. Коттеджи построены по обе стороны горы, а пансионат – внизу, там столовая, концертный зал и гостиничные номера. Между коттеджами — большое расстояние (чтобы композиторы не мешали друг другу сочинять музыку).

начинает беспокоиться, её воображение рисует картину: санки улетели в пропасть. Проходит время, которое кажется вечностью, темнеет, а Карена с санками все нет и нет. Мама идет домой, за отцом, чтобы искать Карена вместе с ним. Открывает дверь и замирает на пороге: в коридоре санки, а Карен сидит в гостиной, спиной к входной двери, и играет с отцом в шахматы.

Карен очень хорошо играл в шахматы. Любил футбол и увлекался каратэ. Мечтал стать историком. Почему поступил на филологический факультет? В одну из наших последних встреч неожиданно рассказал, почему не стал историком.

Однажды в дом композиторов, когда он там проводил последние каникулы перед десятым классом, приехала девушка, которая ему понравилась. Училась эта девушка на филологическом факультете. Карен удивил родителей, когда сообщил, что решил поступать не на истфак, а на филфак Ереванского государственного университета.

Осенью, студент первого курса филфака, Карен Степанян, идет по улице, и встречает ту самую девушку, ради которой он изменил своему призванию историка. Она мило поздоровалась и сообщила, что недавно вышла замуж.

Родители Карена очень много работали. Папа был зам. министром Комитета Кинематографии Армении, воевал, после ранения должен был вернуться на Дальний Восток, для продолжения службы, но в августе 1945 г. Япония капитулировала, и война для Ашота Александровича Степаняна завершилась.

Отец Карена, очень сдержанный человек, был большим другом Карена. Помню его улыбку, когда он улыбался, то невозможно было не улыбнуться в ответ, от всего сердца и становилось спокойно и радостно на душе. Ашот Александрович очень высоко оценивал композиторский дар своей жены, мамы Карена.

Гаянэ Моисеевна Чеботарян окончила Ленинградскую консерваторию по классу композиции (проф. Х.С.Кушнарев) и по классу специального фортепиано (проф. М.Я. Хальфин). Учеба в Ленинградской консерватории персональной стипендиантки Чеботарян Гаянэ пришлась на довоенное и военное время. Когда началась война, Гаянэ перешла на четвертый курс. Она прошла ускоренное обучение на медицинскую сестру и ждала отправления на фронт. Здание консерватории стало военным лагерем. Были организованы санитарная, химическая, пожарная команды. Студентов перевели на «казарменное положение». Гаянэ назначили политруком медико-санитарной команды. Бойцы

этой команды подбирали на улицах пострадавших от налетов авиации, артиллерийских обстрелов, оказывали первую помощь и отправляли в больницы и в госпиталя. Потом была эвакуация в Ташкент, где занятия в консерватории шли практически круглосуточно, в три смены. Гаянэ руководила организацией концертных бригад, которые ездили по госпиталям и воинским частям. При ее активном участии проходили симфонические и камерные концерты. В июне 1943 г. был сдан на отлично экзамен по специальному фортепиано. С окончанием композиторского факультета все затягивалось, в связи с отъездом из Ташкента профессора Кушнарева: весной 1943 г. он получил приглашение преподавать классы сочинения и полифонии в Ереванской консерватории им. Комитаса. Вскоре Гаянэ Чеботарян, выпускнице Ленинградской консерватории, пришло приглашение преподавать полифонию, анализ музыкальных форм и сольфеджио в Ереванском музыкальном училище. Через два года, после отъезда Кушнарева в Ленинград, Чеботарян Гаянэ Моисеевна стала вести курс полифонии в Ереванской консерватории. Более сорока лет преподавала Гаянэ Моисеевна Чеботарян в Ереванской консерватории полифонию. Успела за эти годы сочинить много замечательной музыки: для симфонического оркестра, для хора с оркестром и для фортепиано с оркестром (Поэма-кантата «Армения»1947, симфонические картины и празднество 1950, концерт для фортепиано с оркестром 1978-1979). Для фортепиано: фуги, сонаты, шесть прелюдий, Посвящение (памяти пианистки А.Б. Осиповой, соч.1967 г.), Полифонический альбом для юношества (1972 г. посвящен сыну К.А. Степаняну). Есть среди сочинений Г.М. Чеботарян одно неоконченное: «Фортепианный Квартет», памяти двух братьев, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны.

Мама Карена была очень красивой женщиной, талантливой, эрудированной, обладала аналитическим умом. Монографии Гаянэ Чеботарян, посвященные творчеству Арама Хачатуряна и Христофора Кушнарева, получили самую высокую оценку музыковедов и композиторов, чьему творчеству они были посвящены. О Гаянэ Моисеевне можно говорить бесконечно. О чувстве юмора, с каким она рассказывала великое множество смешных историй. Голос серьезный, не улыбается, только глаза смеются, потом, когда собеседник сдержаться не может, вот тут и она звонко расхохочется. Мама была для Карена другом. С ней он обсуждал все, что сочинял. Иногда спорили. Но потом они всегда приходили к единому суждению, кто-то всегда уступал, часто – Карен.

Последние годы, когда жизнь в Ереване сделалась непереносимой: без света, газа, отопления и воды, мама уступила настоятельным просьбам Карена и переехала в Москву. Ей было трудно не работать. Она всегда очень много работала. В последние годы уже не сочиняла музыку, но внимательно читала монографии Карена, делала заметки на полях своим аккуратным бисерным почерком. Двадцать лет тому назад Гаянэ Моисеевна Чеботарян ушла от нас, в день Крещения, не дожив до своего восьмидесятилетия всего несколько месяцев.

«Путеводитель»

Итоговой работой Карена Степаняна стал путеводитель по итоговому роману «Братья Карамазовы».

«Человек есть тайна», – приводит Карен Степанян в путеводителе по роману «Братья Карамазовы» слова 17-летнего Достоевского брату Михаилу. Всю свою сознательную жизнь, начиная с дипломной работы, продолжая двумя диссертационными исследованиями, пятью монографиями и, завершая путеводителями по романам «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», Карен занимался разгадкой тайны Ф.М. Достоевского.

Эпиграф к роману «Братья Карамазовы» – ключ к началу разгадки тайны человека. Человеческую жизнь всегда завершает смерть. Подобно пшеничному зерну падает человек в землю, чтобы умереть и воскреснуть в Боге, чтобы принести много плода в Царствии Небесном. Именно этот евангельский стих (Ин.12, 24) приводил старец Амвросий Федору Достоевскому в скиту Оптиной пустыни, чтобы приоткрыть тайну смерти его детей: шестимесячной Сонечки, трехлетнего Алеши.

«Начиная жизнеописание героя моего, Алексея Федоровича Карамазова нахожусь в некотором недоумении», – читаем мы первую фразу от автора и понимаем, что Достоевский принял слова старца в свое сердце и утешился ими. Начиная сочинять свой роман, он воскрешает сына, Алексея Федоровича.

Первая глава Путеводителя по роману «Братья Карамазовы» – «Свет и мрак вместе – начало романного мира» вводная и всеохватная одновременно. В ней сводится воедино две тайны. Тайна Света, тайна старца Зосимы и Алеши и тайна мрака, тайна остальных героев романа, так или иначе связанных с мраком. С первых страниц путеводителя Карен извещает нас о том, что составляет важнейшее свойство романа: сведение мрака и света воедино, на первой же встрече, «сходке» героев в скиту.

Вторая глава, о пути к воскресению, начинается со слов Ивана о том, что он Бога принимает, хотя прежде заявлял, что Бога нет. Но затем вновь возвращается к своему предположению, что не Бог создал человека, а человек Бога. Очень важным представляется изложение позиции Ивана, возвращающего Богу свой билет из-за слезинки одного ребенка. Эту наиважнейшую мысль о неприятии Божьего Промысла, попускающего страдание ребенка, Карен развивает в главе четвертой, о слезинке ребенка.

Третья глава путеводителя содержит очень важное умозаключение: человек проходит путь от утраты детской веры к отчаянию от несправедливого устройства мира до возвращения к детской вере, но на ином, несравненно более высоком уровне.

Пятая глава о поэме «Великий инквизитор». О ней невозможно рассказать, это медленное прочтение текста вместе с читателем, с толкованием изложенного в поэме. Завершает главу мысль о свободе человека подчиниться авторитету инквизитора или пойти путем личной свободы, «путем постоянного обновления норм морали». В главе «Преодоление сиротства или второе рождение» рассмотрен вопрос о преображении человека, о таинственных процессах в сердце человека, где «дьявол с Богом борется». Завершая путеводитель Карен Степанян обращается не к литературоведам, а к простому читателю, для которого и был написан как итоговый роман Ф.М., так и итоговый путеводитель К.А. и вступает в полемический спор, в диалог Большого пространства с М.М. Бахтиным о несовместимости свободы персонажей с авторской волей. Бахтин писал,что в мире Достоевского нет никакого завершающего суждения о том или ином персонаже: у каждого, как и у всех нас сохраняется свобода выбора и изменения своей судьбы (подчас внезапного)[3]. Степанян подвергает сомнению тезис Бахтина о свободе трактовки зла и добра героев, полагая самой главной задачей писателя – воздействие на души читателей, на их преображение. Но в XX веке, – пишет Степанян, – когда критерии добра и зла в человечестве сильно пошатнулись и запутались (или, по крайней мере нам стало казаться так) амплитуда в суждениях об этом романе расширилась беспредельно[4]. Главной задачей разгадывания тайны Ф.М. Достоевского, Карен Ашотович положил сужение амплитуды

[3] Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр.соч. в 6 т.Т.6 М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2002. С. 68-70.

[4] К.А. Степанян Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». М., МГУ 2018 С.13

суждений до возвращения ее к тому посылу, к тому духовному завещанию, которое оставил нам Достоевский. Путеводитель Степаняна нас возвращает к глубинным тайнам романа именно в том толковании добра и зла, в каком завещал человечеству автор «Братьев Карамазовых».

Перечитаем внимательно последний абзац Путеводителя, ставший итоговым, завершающим в творчестве Карена Степаняна: **«Да, незавершенность персонажей Достоевского проявляется и в том, что мы продолжаем в веках спорить с ними – ибо актуальность вопросов, волновавших их, обостряется с каждым следующим десятилетием. Но такое равноправие не означает равной правильности – с точки зрения автора»[5].**

Н.А. Тарасова

С Кареном Ашотовичем Степаняном я познакомилась в начале «нулевых» на одной из конференций. Через некоторое время у нас возникла интернет-переписка, вначале связанная с многочисленными организационными обязанностями, которые выполнял Карен Ашотович, принимая участие в организации наших поездок на симпозиумы Международного Общества Достоевского, редактируя наши статьи для московских выпусков сборника (а теперь академического журнала) «Достоевский и мировая культура». Практически сразу главными в письмах К.А. стали научные темы, которые мы обсуждали. К.А. всегда проявлял интерес к текстологии и издательскому делу, и в большинстве его писем ко мне звучат именно такие вопросы и рассуждения: о проблемах чтения рукописей Достоевского, об интерпретации конкретных мест в том или ином тексте, о точности в передаче слов писателя. Иногда К.А. делился замыслами новых работ, присылал тексты, которые хотелось обсудить. Его письма, как и вся его работа, стали очень красноречивым свидетельством глубокого интереса к творчеству Достоевского и подлинного служения слову. В моей памяти Карен Ашотович останется увлеченным исследователем, преданным делу, и глубоко верующим человеком, искренним и понимающим, вызывавшим неизменное уважение всех, кто его знал.

5 Там же С.174

К.А. Степанян, Д. Мартинсен, Б.Н. Тихомиров. Гранада (Испания), 2016 г.
(из архива Б. Н. Тихомирова)

Б.Н. Тихомиров, К.А. Степанян, Т.А. Касаткина. Тиба (Япония), 2000 г.
(из архива Б. Н. Тихомирова)

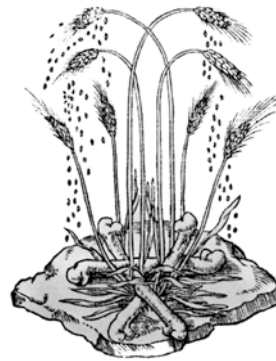
К.А. Степанян. Старая Русса. 2012 г.
(из архива Г.Н. Крапивина)

К.А. Степанян, Б.Н. Тихомиров. Пансионат «Сосны» в под Москвой, 2018 г.
(из архива Г.Н. Крапивина)

К.А. Степанян. Старая Русса, 2012 г.
(из архива Г.Н. Крапивина)

К.А. Степанян, Б.Н. Тихомиров. Санкт-Петербург, 2017 г.
(из архива Г.Н. Крапивина)

В.Н. Захаров, К.А. Степанян. Санкт-Петербург, 2017 г.
(из архива Г.Н. Крапивина)

О.Ю. Юрьева, В.В. Борисова, Л.И. Сараскина, Н. Богданов, В.И. Богданова, О.А. Деханова, 2005 г. (из архива В.И. Богдановой)

К.А. Степанян. Старая Русса, 2010 г. (из архива Г.Н. Крапивина)